

СТАЛИНГРАД

Я ВЫЖИЛ В СТАЛИНГРАДЕ

Иоахим ВИДЕР

КАТАСТРОФА на ВОЛГЕ

Иоахим Видер

**Я выжил в Сталинграде.
Катастрофа на Волге**

«Яуза»

1962

Видер И.

Я выжил в Сталинграде. Катастрофа на Волге / И. Видер —
«Яуза», 1962

«Вся наша армия взята в стальные клещи. В окружение попало около 300 тысяч человек – более 20 первоклассных немецких дивизий. Мы и в мыслях не допускали возможности такой чудовищной катастрофы!» – читаем на первых страницах этой книги. Будучи офицером-разведчиком в 6-й армии Паулюса, автор разделил ее трагическую судьбу, пройдя все круги Сталинградского ада – от победного летнего наступления до зимнего разгрома и советского плена. Но эта книга – больше чем откровения выжившего, которому довелось «заглянуть в бездну». Это не только леденящий кровь рассказ об ужасах Сталинградского «котла», об «утраченных победах» и «роковых решениях», «черных днях» и «мучительной агонии», «смертном приговоре» и «бесславном конце» 6-й армии, – это еще и глубокий анализ причин «КАТАСТРОФЫ НА ВОЛГЕ». Прямо называя по именам главных виновников разгрома, автор не ограничивается дежурными проклятиями в адрес Гитлера, но и уличает в непростительных просчетах, умолчаниях и лжи фельдмаршала Манштейна. «Для Германии битва под Сталинградом явилась самым тяжким поражением за всю ее историю, для России же – ее величайшей победой».

© Видер И., 1962

© Яуза, 1962

Содержание

Алексей Исаев	6
Воспоминания уцелевшего	9
Немецкая группировка окружена	9
Час роковых решений	15
«Бунт» генерала Зейдлица	19
«Держитесь! Фюрер выручит вас!»	22
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Иоахим Видер

Я выжил в Сталинграде.

Катастрофа на Волге

© Исаев А.В., предисловие, 2013

© Лебедев А., Португалов Н., пер. с нем., 2013

© ООО «Яуза-пресс», 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Алексей Исаев

Предисловие

«Сталинград» – название города, которое мы не найдем на сегодняшних картах, навсегда останется в истории войн. Словно «Канны» или «Ватерлоо», помимо исторического значения, оно стало символом военной катастрофы в новейшей истории. Символом поражения немецкого оружия и безоговорочного триумфа военной мысли, стратегии и тактики советских войск. Пожалуй, ни одно сражение Второй мировой войны не породило в послевоенные годы в Германии такого количества исследований, как Сталинград. Дело даже не в самом факте окружения крупной группировки немецких войск – после Сталинграда были окружения под Черкассами (Корсунь-Шевченковская операция) зимой 1944 г., Витебском летом 1944 г., наконец, Фалезский «котел» на Западном фронте. Сталинград стал эпической катастрофой, знаменовавшей собой закат звезды Третьего рейха. События на Волге заставили многих потерять веру в себя и свое командование. После Сталинграда оставалось сражаться «без страха и надежды»...

Помимо личных взаимоотношений и даже человеческих трагедий, многих мемуаристов занимал вопрос оперативной картины сражения под Сталинградом. К их числу относится Иоахим Видер. По иронии судьбы смертельной для окруженной под Сталинградом 6-й армии Ф. Паулюса стала настойчиво продвигавшаяся немецкой военной мыслью идея «Канн»: нанесения поражения противнику глубокими фланговыми ударами по сходящимся направлениям. До осени 1942 г. «Канны» были своего рода визитной карточкой германской стратегии. Большинство крупных наступательных операций против СССР реализовывалось именно по этой схеме. Окружения советских войск под Минском, Уманью, Киевом, Вязьмой в 1941 г., под Харьковом в 1942 г. – все это были воспетые Шлиффеном «Канны». Под Сталинградом эта технология обратилась против вермахта. Видер пишет: «При всех наших предчувствиях мы и в мыслях не допускали возможности такой чудовищной катастрофы!» Но катастрофа случилась, причем по классическому сценарию «Канн». Сценарий этот предусматривал наличие не только Ганнибала в лице А.М. Василевского с одной стороны, но и консула Варрона со стороны тех, кто попал в окружение. Видер откровенно пишет о всех тех роковых решениях, которые предопределили судьбу армии Паулюса: «И вот, 24 ноября словно гром среди ясного неба поразила нас радиограмма из ставки Гитлера – роковой приказ, запрещающий командованию 6-й армии осуществить намеченный отход с северного участка своего фронта и вывод наших соединений из Сталинграда. Все надежды на прорыв рухнули». Вся первая часть книги – это описание произошедшей катастрофы от ее первого дня до закономерного финала. Как непосредственный участник событий, Видер нашел те краски, те детали происходящего, которые ярче всего отражают трагедию солдат и офицеров вермахта, оказавшихся в кольце окружения. Одна из центральных тем повествования – это противоречие между профессионализмом, заставлявшим искать вполне очевидные решения, и долгом, вынуждавшим подчиняться приказам. Видер рассказывает о неудачах в снабжении окруженных по воздуху. По иронии судьбы, удачные операции по снабжению транспортной авиацией и бомбардировщиками Хе-111 окруженных под Холмом и Демянском сыграли злую шутку с немецким командованием, многие были уверены, что такой же воздушный мост будет эффективен и в случае с армией Паулюса. Однако расстояние между основной группировкой немецких войск и окруженными соединениями под Демянском и Холмом было сравнительно небольшим, местность – лесистой, и противодействие советских ВВС на второстепенном участке фронта – сравнительно слабым. Напротив, под Сталинградом транспортникам требовалось пройти большое расстояние над занятой советскими войсками территорией под ударами лучших авиасоединений ВВС РККА. В результате снабжение по воздуху было скудным, силы окруженных таяли, и на страницах

книги Видера мы найдем эпизоды отчаяния и морального разложения тех, кто еще недавно составлял элиту вооруженных сил Германии.

Помимо очевидно «проварроленных» моментов в Сталинградской битве просматривается несомненный успех советского оперативного искусства. Была спланирована простая, но очень удачная по форме операция. Два удара наносились по сходящимся направлениям для замыкания кольца, два – на образование внешнего фронта окружения и два – на образование внутреннего фронта окружения. Собственно удар на образование внешнего фронта окружения впервые был нанесен достаточно удачно и глубоко, чтобы воспрепятствовать деблокированию окруженных ударом извне.

Силы, задействованные в попытке Манштейна пробиться к 6-й армии, не следует ни преуменьшать, ни преувеличивать. Наиболее сильным игроком была прибывающая по железной дороге из Франции свежая 6-я танковая дивизия. Танковая дивизия прибывала, начиная с 27 ноября, в Котельниково после отдыха и укомплектования во Франции (дивизия понесла большие потери зимой 1941/42 г.). После доукомплектования и перевооружения 6-я танковая дивизия представляла собой серьезную силу. В ноябре 1942 г. в составе дивизии числилось 159 танков (21 танк Pz.II, 73 танка Pz.III с длинноствольной 50-мм пушкой, 32 танка Pz.III с короткоствольной 75-мм пушкой, 24 танка Pz.IV с длинноствольной 75-мм пушкой и 9 командирских танков). Подавляющее большинство танков дивизии было новейших образцов, способных противостоять Т-34. Первый удар этой дивизии принял на себя создававший внешний фронт окружения у Котельниково 4-й кавалерийский корпус и 85-я танковая бригада. Они сумели отодвинуть рубеж развертывания немецких танков и заставили их потратить первые несколько дней на отражение ударов по Котельниково. Помимо этого в попытке деблокирования принимали участие уже побывавшие в боях соединения вермахта. 23-я танковая дивизия на момент начала советского наступления (18 ноября) насчитывала 5 танков Pz.II, 12 танков Pz.III с короткоствольным 50-мм орудием, 15 танков Pz.III с длинноствольным 50-мм орудием, 4 танка Pz.IV с 24-калиберной 75-мм пушкой и 4 танка Pz.IV с 43-калиберной 75-мм пушкой. Дивизия участвовала в напряженных боях на Северном Кавказе и понесла большие потери под Орджоникидзе и Моздоком. 17-я танковая дивизия выглядела ненамного лучше: 9 танков Pz.II, 30 танков Pz.III с короткой 50-мм пушкой и 18 танков Pz.IV с 24-калиберной 75-мм пушкой. Но даже эти скромные силы прибыли слишком поздно, и основная тяжесть боев легла на 6 и 23-ю танковые дивизии. Часто упоминаемый в связи с попытками деблокировать Сталинград 503-й танковый батальон «тигров» пошел в бой только в январе 1943 г. под Ростовом, довольно далеко от Сталинграда. Под «тиграми» под Сталинградом следует понимать танки Pz.IV с длинноствольными орудиями из 6-й танковой дивизии. Одной из ошибок немецкого командования было неумение накапливать стратегические резервы. Советская сторона довольно быстро поставила между окруженными войсками 6-й армии Паулюса и пробивающимися к ней дивизиями Г. Гота заслон из 2-й гвардейской армии, в напряженной борьбе отразившей все удары извне кольца.

Если первая часть книги Видера представляет собой насыщенный эмоциями рассказ очевидца, то во второй части «Спустя двадцать лет» перед нами предстает не солдат, но историк. Эта часть книги отечественному читателю будет особенно интересна, поскольку у нас «Утерянные победы» Э. фон Манштейна стали едва ли не эталоном мемуарно-исторической литературы. Книга немецкого военачальника выдержала несколько переизданий и оказала существенное влияние на умы профессионалов и любителей. Видер на страницах своей книги подробно разбирает главу «Утерянных побед», посвященную Сталинграду. Он уличает Эриха фон Манштейна в лукавстве, указывая на то, что сам командующий группой армий «Дон» полностью распоряжался 6-й армией и мог отдавать ей какие угодно распоряжения. Видер пишет: «Нет, 6-я армия, без сомнения, была подчинена группе армий "Дон". Это вытекает из приказов, отданных самим Манштейном, и подтверждается особенно убедительно документами

из архива фельдмаршала Паулюса, а также записями в сохранившемся оперативном журнале штаба 6-й армии и целым рядом других источников». Соответственно, попытки Манштейна сбросить с себя ответственность за пребывание 6-й армии в Сталинграде и отсутствие попыток пробить кольцо окружения изнутри синхронно с наступлением Г. Гота. Видер опирается на анализ документов того периода и вполне однозначно указывает на промахи Манштейна: «К тому же ни его приказ от 19 декабря, ни поступившая позднее радиограмма не позволяли прийти к выводу, что Манштейн в завуалированной форме советует 6-й армии немедленно оставить Сталинград».

Еще один раздел книги Видера посвящен анализу личности самого Ф. Паулюса. Здесь следует обратить внимание на прослеживающуюся во многих отечественных исследованиях идеализацию военного образования и опыта штабной работы в карьере полковника. Наши военачальники часто получают упреки в невыдержанности, невоспитанности и взрывном характере. Однако при этом забывается, что военачальник – это не кабинетный ученый и от него требуются качества, следствием которых может быть неприятный в человеческом общении характер. Получивший блестящее образование Паулюс, как ни странно, проигрывал менее образованным, но более энергичным и волевым коллегам: «Многолетняя служба в высших штабах наложила неизгладимый отпечаток на личность Паулюса и его деловые качества. Этому вдумчивому, осмотрительному генштабисту, обладавшему превосходной подготовкой, глубокими знаниями и незаурядными способностями в планировании крупных операций, не доставало боевого опыта, твердости, решимости, находчивости, умения и желания рисковать – одним словом, всего того, чем в избытке обладает настоящий полководец». Читая рассказы о разносах, устраиваемых Г.К. Жуковым или А.И. Еременко, нужно помнить, что перед нами не преподаватели воскресной школы, но солдаты и оборотной стороной внешне благопристойного поведения может быть вялость и слабование. Видер дает нам возможность оценить личные и профессиональные качества Ф. Паулюса, прошедшего путь от создателя плана «Барбаросса» до первого фельдмаршала, взятого в плен союзниками во Второй мировой войне.

Одним словом, Иоахим Видер написал разноплановую, одинаково занимательную и как воспоминания, и как историческое исследование книгу, которая привлечет внимание всех интересующихся историей Второй мировой войны.

Воспоминания уцелевшего

Хаос огня, свища и исковерканной брони... чудовища стальные, выйдя из-под власти своих творцов, их обрекли на смерть...

Тот, на чьих глазах разорванные в клочья погибали друзья и братья, тот, кто искал спасенья, извиваясь, как червь, на обесчещенной, истерзанной земле, – лишь горько усмехнется, заслышав речи лживые, «героям» воздающие хвалу... нет больше Марса, дряхлый бог сражений сам сгинул в пламени войны...¹

Стефан Георге

Немецкая группировка окружена

19 ноября 1942 года навсегда сохранится в моей памяти как самый черный день из всех, что мне довелось пережить.

В то пасмурное утро глубокой осени промозглый туман вскоре сменился метелью – наступила суровая русская зима. Но еще раньше, в предрассветных сумерках, здесь, на самом опасном участке Восточного фронта, где мы, немцы, глубже всего проникли на территорию противника, разразилась катастрофа, которую предчувствовали и ждали с нарастающей тревогой многие из нас. Русские перешли в наступление и сразу же нанесли сокрушительный удар сначала по румынским соединениям, находившимся на левом фланге нашей группировки. Это произошло в большой излучине Дона, южнее станицы Кременской².

Наступлению предшествовала тщательная подготовка, проведенная Советским командованием в грандиозных масштабах; наши вышестоящие штабы в общем были осведомлены о длительном процессе сосредоточения сил противника, хотя развертывание проходило в лесистой местности и под прикрытием осенних туманов. Развивая наступление, превосходящие танковые и кавалерийские соединения русских в тот же день молниеносно обошли нас с севера, а на следующий день и с востока. Вся наша армия была взята в стальные клещи. Уже три дня спустя в Калаче на берегу Дона кольцо окружения сомкнулось. Соединения русских непрерывно усиливались.

Ошеломленные, растерянные, мы не сводили глаз с наших штабных карт – нанесенные на них жирные красные линии и стрелы обозначали направления многочисленных ударов противника, его обходные маневры, участки прорывов. При всех наших предчувствиях мы и в мыслях не допускали возможности такой чудовищной катастрофы! Штабные схемы очень скоро обрели плоть и кровь в рассказах и донесениях непосредственных участников событий; с севера и с запада в Песковатку – еще недавно тихую степную балку, где размещался наш штаб, вливался захлестнувший нас поток беспорядочно отступавших с севера и запада частей. Беглецы принесли нам недобрые вести: внезапное появление советских танков 21 ноября в сонном Калаче – нашем армейском тылу – вызвало там такую неудержимую панику, что даже важный в стратегическом отношении мост через Дон перешел в руки противника в целостности и

¹ Перевод Н.С. Португалова.

² Видер допускает неточность. Удар южнее Кременской был осуществлен войсками Донского фронта 19 ноября одновременно с ударом Юго-Западного фронта, наступавшего с плацдармов юго-западнее г. Серафимовичи и станицы Клетская. К окружению группировки гитлеровцев привел, однако, не удар Донского, а удар Юго-Западного фронта, войска которого 23 ноября в районе г. Калач соединились с войсками Сталинградского фронта, начавшими контрнаступление на один день позже (20 ноября) с плацдарма в районе Сарпинских озер. – Прим. ред. (Здесь и далее примечания, отмеченные звездочкой, даны русской редакцией. Примечания, касающиеся военных действий в Сталинграде, сделаны подполковником В.К. Печоркиным.)

сохранности³. Вскоре из расположения XI армейского корпуса, нашего соседа слева, чьи дивизии оказались под угрозой удара с тыла, к нам в Песковатку хлынули новые толпы оборванных, грязных, вконец измотанных бессонными ночами людей.

Прелюдией ураганного русского наступления на участке Клетская – Серафимовичи была многочасовая артиллерийская подготовка – уничтожающий огонь из сотен орудий перепыхал окопы румын. Перейдя затем в атаку, русские опрокинули и разгромили румынские части, позиции которых примыкали к нашему левому флангу. Вся румынская армия попала в кровавую мясорубку и фактически перестала существовать. Русское командование весьма искусно избрало направление своих ударов, которые оно нанесло не только со своего донского плацдарма, но и из района южнее Сталинграда, от излучины Волги. Эти удары обрушились на самые уязвимые участки нашей обороны – северо-западный и юго-восточный, на стыки наших частей с румынскими соединениями; боеспособность последних была ограничена, поскольку они не располагали достаточным боевым опытом. Им не хватало тяжелой артиллерии и бронейного оружия. Сколько-нибудь значительных резервов у нас по существу не было ни на одном участке; к тому же плохие метеорологические условия обрекли на бездействие нашу авиацию. Поэтому мощные танковые клинья русских продвигались вперед неудержимо, а многочисленные кавалерийские подразделения, подвижные и неуловимые, роем кружились над кровотокающей раной прорыва и, проникая в наши тылы, усиливали неразбериху и панику⁴.

Впрочем, обстановка вскоре окончательно прояснилась: наша 6-я армия и части 4-й танковой армии – более 20 первоклассных немецких дивизий, составлявших четыре армейских и один танковый корпус, – были полностью окружены. Вместе с ними в гигантский «котел» попали дивизия ПВО и несколько крупных авиационных соединений; приданные артиллерийские подразделения резерва главного командования: два дивизиона самоходок и два минометных полка, с десятков отдельных саперных батальонов, а также многочисленные строительные батальоны, санитарные подразделения, автоколонны, отряды организации Тодта («Имперская трудовая повинность»), части полевой жандармерии и тайной военной полиции. Здесь же оказались и остатки разгромленной румынской кавалерийской дивизии, хорватский пехотный полк, приданный одной из наших егерских дивизий, и, наконец, несколько тысяч русских военнопленных и «вспомогательные части». Всего, таким образом, в окружение попало около 300 тысяч человек⁵, которых судьба связала друг с другом в буквальном смысле слова не на жизнь, а на смерть.

Лишь много позднее мы поняли, что окружение 6-й армии было только частью гигантской операции по охвату наших войск, спланированной и проведенной русскими по известным немецким образцам⁶. С севера нас охватывали лучшие ударные части русских, в том числе и переброшенные сюда отборные дивизии их Юго-Западного фронта, которому до начала наступления противостояли соединения, примыкавшие к нашей 6-й армии слева. И этот вне-

³ Мост был захвачен небольшим отрядом под командованием подполковника Г.Н. Филиппова. Танки Филиппова с включенными фарами подошли к переправе. Гитлеровцы, охранявшие мост, приняли их за своих. Советские танкисты, переправившись через реку, уничтожили охрану и захватили мост. (См. «Битва за Волгу». Волгоград, 1958, с. 133–134 и «История ВОВ», Воениздат. М., 1961, т. III, с. 33–34.)

⁴ В действительности метеорологические условия не исключали действия авиации, а лишь ограничивали их.

⁵ В окружении оказались 22 дивизии 6-й и 4-й танковых немецких армий. В составе окруженной группировки было 15 пехотных дивизий (44, 71, 76, 79, 94, 113, 295, 297, 305, 371, 376, 384, 389-я пехотные, 100-я легкопехотная дивизия гитлеровцев и 20-я пехотная румынская дивизия), 3 танковые дивизии (14, 16 и 24-я), 3 моторизованные (3, 29 и 60-я), 1 кавалерийская (1-я румынская), а также 160 отдельных частей всех родов войск. Общая численность всех этих войск достигала 330 тысяч человек. Помимо окружения этих сил, советские войска в ходе контрнаступления разгромили 3-ю румынскую армию, пять дивизий которой были взяты в плен к моменту окружения, и нанесли поражение VI и VII армейским корпусам румын. Был разгромлен XLVIII танковый корпус, составлявший оперативный резерв противника.

⁶ В истории мирового военного искусства немало примеров операций на окружение, начиная от знаменитых Канн. Однако контрнаступление на Волге было спланировано весьма оригинально Советским командованием, что неоднократно подтверждает и сам Видер.

запный и сокрушительный удар был нанесен противником, который, как упорно твердила наша официальная пропаганда, давно уже исчерпал все свои резервы и возможности. Но особую тревогу у нас вызывал тот факт, что советская стратегия и тактика, которые обрели теперь такую гибкость, прочно захватили инициативу.

Вообще говоря, сила русского натиска и участие в наступлении большого количества свежих соединений и ударных частей не явились для нас полной неожиданностью. Уже в течение нескольких недель мы с возрастающим беспокойством наблюдали, как в лесистой местности на противоположном берегу Волги и особенно в северной излучине Дона скапливались части противника – верный признак близкой грозы. Будучи в то время офицером для поручений в разведотделе штаба VIII армейского корпуса, я по долгу службы постоянно анализировал многочисленную информацию о противнике, обрабатывал сведения о численности его частей и соединений, об их структуре и боевых порядках, вооружении и моральном состоянии, а также вел оперативные карты. В ходе работы я убедился, что начиная с весны 1942 года обстановка на фронте изменялась под влиянием совершенно новых факторов, которые вначале вызвали у меня живой интерес, а затем гнетущую тревогу.

В мае 1942 года русские начали использовать крупные танковые соединения для достижения оперативных целей. Однако эта попытка провести по немецкому образцу крупную операцию на окружение окончилась для них неудачей. Красному командованию пришлось еще раз дорого заплатить нам за науку: наступавшая 6-я русская армия, которой уже почти удалось прорвать наш фронт юго-восточнее Харькова, была взята в клещи, окружена и полностью уничтожена. В плен попало по меньшей мере 200 тысяч солдат и офицеров противника, мы захватили более 3000 танков и орудий. Командующий ударной армией русских в безысходном отчаянии покончил с собой. Через штаб нашего корпуса прошли по этапу несколько советских генералов, взятых в плен в этом сражении⁷. Я помню, какое сильное впечатление произвели на нас тогда некоторые сведения, полученные от них на допросах, и в первую очередь данные о непрерывно растущем производстве танков на эвакуированных далеко за Урал русских заводах, за которыми наша собственная военная промышленность, судя по всему, не могла угнаться.

Летом того же года последовало наше мощное наступление на Южном фронте, в ходе которого мы вышли через Оскол в большую излучину Дона и достигли Волги. Эти успехи приободрили нас до поры до времени. Быстрое продвижение наших войск явно привело противника в замешательство. О неразберихе у русских свидетельствовали и показания множества пленных всех чинов и званий, в том числе и одного генерала – командира дивизии, захваченного в перелеске вместе со всем своим штабом. В сапоге у него мы обнаружили орден Ленина.

62-я сибирская армия лишилась значительной части своего личного состава; остатки русской 1-й танковой армии, потерявшей еще в июле в «котле» северо-западной Калача почти всю боевую технику, поспешно отошли за Дон. И все же для наступательной операции таких масштабов мы захватили до удивления мало пленных, оружия и снаряжения. Создавалось впечатление, что русские, действуя по намеченному плану, упорно уклоняются от решающих сражений и отходят в глубь своей территории. Это подтверждали и трофейные документы, среди которых попала и одна чрезвычайно любопытная карта, на которую цветными карандашами был нанесен разработанный до мельчайших деталей план-график отхода крупного соединения. Это был великолепный образчик штабной культуры в работе⁸.

⁷ 23 мая 6-я немецкая армия, наступавшая с севера, и соединения группы армий «Клейст», наступавшей с юга, соединились в районе Балаклеи. Войска советских 6, 57-й армий и группы генерала Л.В. Бобкина были окружены. До 29 мая они вели тяжелую борьбу с превосходящими силами противника. Лишь отдельным отрядам удалось вырваться из окружения. В этих неравных боях погибли смертью храбрых многие верные сыны нашей Родины Среди них Ф.Я. Костенко – заместитель командующего Юго-Западным фронтом, командармы А.М. Гордонянский, Л.В. Бобкин, К.П. Подлас.

⁸ И все же в данном случае Видер отдает дань распространенной в советской историографии времен культа личности

Я и поныне глубоко убежден, что отход советских соединений летом 1942 года был блистательным достижением традиционной военной тактики русских, которая в данном случае хотя и поставила страну на грань гибели, но в конечном счете все же оправдала себя. Я считаю также, что одно роковое событие, происшедшее незадолго до начала нашего летнего наступления, которое привело нас к волжскому берегу, существенно облегчило разработку и осуществление этого плана стратегического отступления. Лишь узкий круг людей знал в то время об этом злосчастном инциденте, который заставил штаб армии в Харькове и наш корпусный штаб в городишке Волчанск в течение нескольких дней развернуть лихорадочную активность и поставил главное командование сухопутных сил перед ответственными решениями. А случилось вот что: в середине июня, когда наши части занимали исходные рубежи для большого наступления на Донецком предместном укреплении, только что захваченном после кровопролитных боев, начальник штаба одной из наших дивизий, молодой майор, вылетел на разведывательном самолете «Физелер-шторх» в штаб соседнего соединения, чтобы обсудить там вопрос о предстоящих операциях. Портфель майора был битком набит секретными приказами и штабными документами. Самолет не прибыл к месту назначения. По-видимому, сбившись с курса в тумане, он перелетел линию фронта. Вскоре мы, к ужасу своему, обнаружили обломки сбитого «Физелер-шторха» на «ничейной земле» между окопами. Русские уже успели буквально растащить машину по винтикам, а наш майор исчез, не оставив никаких следов. Немедленно возник вопрос: попал ли в руки противника его портфель, в котором находились важнейшие секретные документы – приказы вышестоящих штабов?

Несколько дней подряд все линии связи между главным командованием сухопутных сил, штабом армии и штабом нашего корпуса были постоянно заняты: срочные вызовы к аппарату следовали один за другим. Поскольку беда стряслась в расположении нашего корпуса, мы получили задание до конца выяснить все обстоятельства дела и избавить командование от мучительной неопределенности. Мы провели несколько разведывательных поисков с сильной огневой поддержкой на участке фронта, где сбит был самолет, и захватили пленных. Вначале полученные от них сведения были крайне противоречивы, но постепенно картина стала проясняться. Оказалось, что самолет подвергся обстрелу и совершил вынужденную посадку на «ничейной земле». Находившийся в нем «офицер с красными лампасами на брюках»⁹ был убит не то еще в воздухе, не то при попытке к бегству, а его портфель взял с собой «кто-то из комиссаров». Наконец пленный, захваченный в результате нашего последнего по счету поиска, точно указал нам место, где, по его словам, был зарыт этот погибший немецкий офицер. Мы начали копать на этом месте и вскоре обнаружили труп злополучного майора. Итак, наши наилучшие предположения подтвердились: русским было теперь известно все о крупном наступлении из района Харьков – Курск на восток и юго-восток, которое должны были начать наши 6 и 2-я армии в конце июня. Противник знал и дату его начала, и его направление, и численность наших ударных частей и соединений. Точно так же мы против воли осведомили русских и о наших исходных позициях, детально ознакомили их с нашими боевыми порядками.

Вскоре рассеялись и последние сомнения на этот счет: начались яростные воздушные налеты на районы развертывания наших частей, а также на штаб нашего корпуса, причинившие нам немалый ущерб. К тому же мы вскоре установили, что противник проводит перегруппировку сил на противостоящих нам участках. Но было поздно – главное командование сухопутных сил уже не могло пересмотреть принятые решения и отменить столь тщательно

версии о том, что отступление советских войск в глубь страны в летние месяцы 1941 и 1942 годов представляло собой заранее разработанный план «активной обороны», рассчитанной на изматывание врага.

⁹ Высшие штабные должности в соединениях вермахта (от дивизии и выше) занимали офицеры генштаба, которым была присвоена форма с некоторыми отличиями, в частности красными лампасами на брюках.

подготовленную операцию. Таким образом, наше наступление на Сталинград с самого начала проходило под несчастливой звездой¹⁰.

Последующие события, развернувшиеся в конце лета и осенью того же года на Дону и на Волге, и коренные изменения, происходившие у противника, давали достаточно оснований для серьезной тревоги и оправданных опасений. Начиная с августа боевой дух советских армий непрерывно поднимался – они сражались с возрастающим упорством. О том, что русские не намерены больше отступать, свидетельствовал и захваченный нами приказ Советского командования, в котором говорилось о смертельной опасности, нависшей над страной, и о том, что у Красной армии отныне остается только один выбор: победа или смерть. В сентябре, когда наши дивизии в Сталинграде истекали кровью в ожесточенных боях с вновь сформированной 62-й армией¹¹, упорно оборонявшей каждую улицу, каждый дом, каждый метр земли, противник начал одновременно яростные отвлекающие атаки против наших отсечных позиций между Волгой и Доном к северу от Сталинграда и неоднократно пытался прорвать здесь линию фронта. В ходе этих боев действовавшая в составе нашего корпуса доблестная Потсдамская дивизия (ее тактическим знаком был старый прусский гренадерский шлем) отражала натиск свежих советских ударных частей. Большое количество уничтоженных русских танков, появление на передовой многочисленных отлично оснащенных свежих соединений противника, тактические новшества в его боевых порядках, частые перемещения войск по фронту – все это убедительно свидетельствовало о том, что советские армии не сломлены, что их боеснабжение увеличивается в устрашающих масштабах, а резервуар живой силы просто неисчерпаем.

Наконец, эти события в излучине Дона – на северном участке фронта нашей группировки – совершенно ясно показали, какую страшную угрозу представляет для нас мощный стратегический резерв, сконцентрированный здесь противником. Против нашей 6-й армии на фронте от Сталинграда до излучины Дона было сосредоточено по меньшей мере семь русских армий, не считая крупных танковых и кавалерийских соединений. Сомнений не было – противник готовил гигантское наступление. Радиоперехват приносил нам особенно обширную тревожную информацию о развертывании вражеских ударных соединений, подробности их эшелонирования, оснащения и боеснабжения. Хотя армии у русских по численности примерно соответствовали лишь нашим армейским корпусам, их превосходство в живой силе стало здесь подавляющим. По нашей оценке, русские обладали уже к тому времени по меньшей мере трехкратным численным перевесом. Целыми неделями я обрабатывал и направлял по инстанции все более тревожную информацию о противнике – сообщения, поступившие из частей, результаты воздушной разведки, радиоперехвата и пеленгации, а также наиболее интересные протоколы допросов пленных, которые я получал не только со своего участка, но и из соседнего корпуса. Штаб армии, полностью разделявший наше беспокойство, не раз предостерегал, предупреждал и даже заклинал командование группы армий. Но сам по себе он был бессилён что-либо изменить¹².

Помочь нашим дивизиям в сталинградской «мясорубке» и растянутым по фронту незначительным силам на отсечных позициях севернее Сталинграда в большой излучине Дона могли либо мощные подкрепления, либо своевременный отход, то есть сокращение линии фронта на его самом опасном для нас, далеко выдвинутом вперед участке, сама конфигурация которого

¹⁰ Эпизоду с захватом в плен майора службы генерального штаба Видер придает преувеличенное значение. Едва ли документы, имевшиеся у него, были столь важными. Во всяком случае, приказы гитлеровской ставки на летнюю кампанию 1942 года в их полном объеме стали нам известны лишь после войны. (*Примечание Маршала Советского Союза А.И. Еременко.*)

¹¹ 62-я армия не была вновь сформирована, а лишь получала время от времени пополнения.

¹² Судя по донесению Паулюса в штаб группы армий «Б» от 22.11.1942 года, он не был сразу столь встревожен, как об этом говорит Видер. К тому же основная мысль этого донесения сводится к утверждению возможности удерживать район Сталинграда. (См. Дёрр Г., Поход на Сталинград, Воениздат. М., 1957, с. 74.) Лишь в донесении от 23 ноября Паулюс высказался более определенно за выход своих войск из окружения.

словно подсказывала противнику, где ему готовить решающий удар. Мы ничего не знали о том, принимают ли штаб группы армий и верховное командование какие-либо меры для предотвращения грозившей нам катастрофы, о неминуемом приближении которой мы с большой тревогой доносили вот уже много недель. Нам стало известно лишь, что задача обеспечения наших угрожаемых флангов была возложена на свежие румынские соединения. Но эти войска наших союзников были плохо оснащены и мало боеспособны. Оперативных резервов у нас не было вовсе, и нам оставалось лишь с тревогой констатировать, что на всем огромном участке нашей армии не предпринимается ничего ни для ее усиления, ни для выравнивания линии фронта.

И случилось то, чего следовало ожидать, – беда обрушилась на крайне уязвимые, не обеспеченные с флангов позиции нашей армии в глубине вражеской территории. Быть может, русские, планомерно уклонявшиеся от решающих сражений в течение всего лета, заманили нас в ловушку, чтобы с наступлением лютых зимних морозов раздавить и уничтожить?¹³ Я не раз мысленно задавал себе этот вопрос, и тревожные предчувствия не покидали меня. В последний раз я думал об этом незадолго до катастрофы, когда серым октябрьским днем ехал в штаб армии в станицу Голубинскую. Путь лежал через выжженную, унылую донскую степь, простиравшуюся до самого горизонта. Бескрайняя и безлюдная, она показалась мне в этот раз грозной, недоброй. И вдруг я с мучительной ясностью представил себе, как сквозь пургу ползут по заснеженной степи бесчисленные русские танки, а на большой оперативной карте штаба корпуса, которую я знал почти наизусть, появляются зловещие стрелы, охватывая наши части, попавшие в гигантскую «мышеловку». Мой страх перед русской зимой, которую все мы считали опаснейшим союзником противника, породил тогда это кошмарное видение. Теперь оно стало явью – мы действительно оказались в ловушке. Удастся ли нам выбраться отсюда? Сколь ни серьезна была с самого начала обстановка в «котле», в первое время в наших штабных блиндажах в Песковатке мы не падали духом и даже сохраняли чувство некоторого превосходства над противником. Все наши мысли были прикованы к предстоящему выходу из окружения. В тот момент никто не сомневался, что подобная операция будет успешно проведена. Прорыв кольца должен был показать противнику, что мы не позволим ему окончательно вырвать у нас из рук инициативу и навязать нам свою волю.

Впрочем, уже тогда я не мог избавиться от мучительного беспокойства, вспоминая о фанатизме, которым были проникнуты недавние публичные заявления Гитлера. «Немецкие солдаты стоят на Волге, и никакая сила в мире не заставит их уйти оттуда», – провозглашал верховный главнокомандующий, который, судя по всему, не собирался отказываться от своего предсказания, что Сталинград будет взят «с ходу». Накануне русского наступления он снова говорил об экономическом и политическом значении этой «гигантской перевалочной базы на Волге», захват которой «перережет жизненно важную артерию русских, лишив их 30 миллионов тонн пшеницы, марганцевой руды и нефти». Больше того, фюрер самонадеянно клялся «перед богом и историей», что никогда не отдаст «уже захваченный» город. Можно ли было при такой установке верховного главнокомандующего думать об уходе с берегов Волги и вообще об отступлении?! Быть может, нашей армии на берегах Волги предстояло не просто сражаться не на живот, а на смерть во имя собственного спасения, а отстаивать военный и политический престиж, кровью расплачиваясь за обещания фюрера, данные перед лицом всего мира? Ведь Гитлер поставил на карту свою репутацию полководца здесь – в этом городе на берегу Волги¹⁴. Увы, уж очень скоро мы стали убеждаться в том, что нам не уйти с берегов Волги и что в Сталинграде настигла нас неотвратимая судьба.

¹³ Это предположение Видера не соответствует действительности.

¹⁴ Видер следует здесь ставшему традиционным в западногерманской историографии утверждению, что одной из важнейших причин того, почему Гитлер не разрешил отход немецкой группировки на Волге, были соображения престижа. Это неверно. У немецкой ставки до начала января были объективные причины для удержания этого района. (Прим. ред.)

Час роковых решений

Это тягостное чувство не покидало меня с первых дней окружения. Я был тогда временно откомандирован в распоряжение оперативного отдела штаба корпуса, где кипела лихорадочная работа. В ходе вынужденной перегруппировки окруженных соединений нам были оперативно подчинены XIV танковый и XI армейский корпуса, а на командира нашего корпуса были возложены, таким образом, функции командующего всем северным участком нашей армии. Благодаря этому я имел довольно полное представление не только о положении на всем нашем участке, но и о тех решениях, которые в конце концов были приняты на расстоянии 2 тысяч километров от «котла» в Восточной Пруссии – в Растенбурге, где находилось главное командование сухопутных сил и ставка Гитлера. Именно там решалась наша судьба – участь армии, насчитывавшей более 250 тысяч человек¹⁵. Гитлер из Растенбурга не раз обращался непосредственно с приказами и воззваниями к немецкой армии на Волге, которая была теперь подчинена вновь созданной группе армий «Дон».

Оперативный отдел штаба нашего корпуса походил на растревоженный пчелиный улей. События развивались с нарастающей быстротой и держали нас в постоянном напряжении. Под непрерывный писк зуммера полевых телефонов мы принимали новые распоряжения, составляли приказы и донесения. Один за другим приходили и уходили офицеры связи, порученцы и ординарцы; то и дело прибывали командиры частей – офицеры всех рангов и всех родов оружия докладывали обстановку, требовали новых указаний. Линия фронта непрерывно изменялась: противник с севера неудержимо продвигался в междуречье Дона и Волги. Мы не сомневались, что очень скоро в наших землянках разместятся новые «постояльцы» – русские штабы. Штабу армии уже пришлось, сломя голову, эвакуироваться из казачьей станицы Голубинской буквально на виду у русских танков, внезапно появившихся на ближних придонских холмах.

Воскресным вечером 22 ноября (это был, как сейчас помню, день поминовения погибших, стужа стояла лютая, и настроение было не только тревожное, но даже паническое) к нам ввалились несколько офицеров из оперативного отдела штаба армии, «драпавших» из Голубинской. Они рассказали о печальном положении в нашем армейском тылу, превратившемся теперь в передовую. По их словам, командующий вместе с начальником штаба вылетел в станицу Нижне-Чирская, расположенную к западу от нашего «котла», где еще раньше были подготовлены зимние квартиры штаба армии. Некоторое время они находились там, но потом тем же воздушным путем возвратились в расположение своих окруженных войск, в район Сталинграда. Теперь штаб армии размещался в Гумраке.

Генштабистам в нашем оперативном отделе приходилось в те дни ломать голову над сложнейшими тактическими задачами. Всего с месяц назад в корпус прислали нового начальника штаба, до тех пор он работал в Восточном отделе разведуправления генерального штаба сухопутных сил и оттуда попал на фронт. Помню, меня самого посылали на вездеходе за новым начальником в штаб армии. В тот же день я и привез его, плечистого полковника, с красными лампасами генштабиста на брюках в наше «помесье» Песковатку, затерянную среди унылой степи, где кругом на много километров ни кустика, ни деревца.

Новому начальнику штаба пришлось входить в курс дела, что называется, с места в карьер. Начальник оперативного отдела также пришел в наш корпус недавно – его перевели к нам в первые дни русского наступления из штаба 8-й итальянской армии, где он возглавлял специальную группу связи с нашим командованием. Теперь же ему приходилось не только раз-

¹⁵ Видер вновь ошибочно приводит эту цифру, раньше он сам называл 300 тысяч, в действительности было окружено 330 тысяч человек.

рабатывать обычные приказы по корпусу, но и обеспечивать отход целой армейской группировки в высшей степени сложной и угрожающей обстановке.

Прежде всего необходимо было вывести из донской излучины на восток некоторые наши соединения, которые, беспорядочно отступая под напором наседавшего противника и временно оказавшись в окружении, вынуждены были поспешно уничтожить большую часть тяжелой боевой техники и снаряжения. Предстояло переправить их по двум мостам на восточный берег Дона, отвести в междуречье Дона и Волги и здесь вновь сконцентрировать и перегруппировать. Одновременно нужно было как можно скорее создать новую линию обороны в совершенно оголенном тылу нашей армии, преградив путь противнику, наступавшему с юга и запада. Выполнение этой ответственной задачи в значительной степени облегчалось образцовыми действиями наших тыловых служб и подразделений и их командиров, которые в общей сумятице и панике не потеряли голову и с боями пробивались на восток – на соединение с основными частями армии, помешав таким образом противнику сокрушить нас ударом с тыла.

Итак, оказавшись в окружении, вся наша армия вынуждена была отходить не на запад – на соединение с немецкими войсками, стремившимися стабилизировать прорванный русскими фронт, а на восток – конечной целью перегруппировать 6-ю армию в районе западней и северней Сталинграда и занять исходные позиции для прорыва кольца окружения. Только этот прорыв через Дон на юго-запад мог теперь спасти нас.

В ожидании предстоящих событий напряжение в нашем штабе нарастало изо дня в день. Ни о чем другом не говорили. Мы, молодые офицеры, с особым нетерпением ждали детальных инструкций по подготовке этой операции, от которой зависело наше спасение. Все мы ясно понимали, что промедление смерти подобно, ибо наши запасы и продовольствия, и горючего таяли с каждым днем. Кроме того, необходимо было решительными действиями помешать противнику укрепить вновь созданную линию фронта. Разумеется, мы осознавали при этом всю серьезность нашего положения и учитывали, что в ходе предстоящего прорыва в ожесточенных боях армия неизбежно понесет значительные потери в живой силе и технике. Но мы не сомневались, что при таком количестве окруженных дивизий главные силы нашей армии сумеют в упорных боях проложить себе путь из окружения. К тому же у нас оставалось еще как-никак 130 исправных танков с необходимым запасом горючего и почти столько же бронемашин и бронетранспортеров. Таким образом, наша армия еще располагала в тот момент боеспособными моторизованными соединениями. Боевой дух войск был еще высок даже в частях, понесших наиболее тяжелые потери в последних боях. На солдат вполне можно было положиться. В этом я имел случай убедиться, выполняя некоторые задания штаба у переправ через Дон и Песковатку. Речь шла о том, чтобы через мост, забитый частями, отступавшими на восток, перебросить в обратном направлении – на западный берег Дона боевую технику XIV танкового корпуса. Танковые колонны, двигавшиеся на запад навстречу русским, благотворно подействовали на отступавших солдат, возродили их веру в свои силы и в своих офицеров. Все ждали, как избавления, сигнала к атаке и, затаив дыхание, следили за подготовкой к прорыву, развернувшейся главным образом на западном участке армии.

В ходе этой подготовки был отдан приказ уничтожить – сжечь или привести в негодность – весь «балласт»: излишки снаряжения и прочего военного имущества. Во всех частях и подразделениях уничтожали поврежденные орудия, танки и грузовики, ненужные теперь технические средства связи и саперный инструмент, запасы обмундирования, документацию и даже часть продовольствия. Гигантский костер из ценного снаряжения запылал и неподалеку от нашего штаба. Солдаты проходивших мимо частей тянули из огня все, что могло еще пригодиться.

По решению командования отход 6-й армии из Сталинграда был назначен на 26 ноября¹⁶. Мощный танковый клин, усиленный моторизованными частями, должен был проложить войскам дорогу на юго-запад, прорвав кольцо русского окружения и обеспечив фланги. Пехотные дивизии намечалось ввести в прорыв без дополнительной огневой подготовки.

Этот план, как говорили в нашем штабе, был представлен на утверждение в штаб группы армий «Дон» и в вышестоящие инстанции. Мы не сомневались, что верховное командование убедится в необходимости его осуществления, и всей душой верили в успех и в скорое спасение. В штабе только и разговору было, что о предстоящем сражении. Иного выхода мы не видели, и все наши мысли, все надежды были неразрывно связаны с планом прорыва.

Никогда не забуду, как все мы были потрясены сообщением из штаба армии о том, что Гитлер отменил готовившийся прорыв и приказал немецкой группировке на Волге «занять круговую оборону». Особенно старших офицеров это известие привело в величайшее возбуждение, которое, впрочем, сменилось вскоре леденящим ужасом. Незадолго до этого я стал свидетелем драматического телефонного разговора командующего 6-й армией, генерала танковых войск Паулюса, с моим корпусным командиром, генералом артиллерии Хейтцем. Я слушал, как генералы говорили о безвозвратно упускаемых возможностях, об угасающих последних надеждах, о том, какими опасностями чреват для нас переход на боевое снабжение воздушным путем – и лютая тоска сжимала мне сердце. Помню, как Паулюс с нескрываемым скептицизмом и озабоченностью заметил, что для организации воздушного моста, который мог бы обеспечить сохранение боеспособности наших окруженных дивизий, главное командование должно в предельно короткий срок выделить не менее двух тысяч самолетов.

И вот, 24 ноября словно гром среди ясного неба поразила нас радиограмма из ставки Гитлера – роковой приказ, запрещающий командованию 6-й армии осуществить намеченный отход с северного участка своего фронта и вывод наших соединений из Сталинграда. Все надежды на прорыв рухнули. В штабе армии, судя по всему, не меньше нас были ошеломлены этим неожиданным решением ставки. Мы не могли взять в толк, почему же были оставлены без внимания все донесения, предостережения и просьбы наших руководящих штабов, которые лучше, чем кто бы то ни было, могли оценить создавшуюся угрожающую обстановку. Еще тогда, когда ударные соединения Советской армии только начали обходить нас с флангов, наш командующий, ясно представляя себе всю серьезность положения, сразу же предложил в вышестоящем штабе группы армий немедленно выпрямить линию фронта, отведя армию на новые позиции в междуречье Дона и Чира. И после получения от главного командования сухопутных сил приказа любой ценой удерживать Сталинград и фронт на Волге генерал Паулюс неоднократно просил предоставить ему оперативную свободу действий. В последний раз он обратился с этой просьбой непосредственно к Гитлеру, которому 23 ноября направил по радио личное донесение с исчерпывающей и неприкрашенной оценкой обстановки. В этой радиограмме, свидетельствующей о высоком чувстве ответственности военачальника, командующий, ссылаясь также на единодушное мнение подчиненных ему корпусных командиров, подчеркивал, что ввиду невозможности организовать своевременное и достаточное боеспособное снабжение, окруженная 6-я армия обречена на уничтожение, если только ему не удастся, сосредоточив все имеющиеся в его распоряжении силы, нанести сокрушительный удар по наступающему с юга и запада противнику. Для этого Паулюс считал необходимым немедленный отвод всех наших дивизий из Сталинграда и последующий прорыв кольца с выходом из окружения на юго-запад. Все было тщетно! Фюрер, он же верховный главнокомандующий вермахта, через голову штаба группы армий «Дон» принял единоличное решение и отказал Паулюсу в предоставлении оперативной самостоятельности, которой тот столь упорно добивался. Обращение Гитлера по радио закан-

¹⁶ По данным Дёрра, эта операция намечалась на 25 ноября 1942 года. (Дёрр Г., Поход на Сталинград. М.: Воениздат, 1957, с. 77.)

чивалось призывом к чувству долга доблестной 6-й армии и ее командующего. Правда, Гитлер обещал нам организовать боеснабжение в нужных масштабах и своевременно провести операции по прорыву вражеского кольца извне. Это обещание и служило отныне единственной основой для всех действий и мероприятий нашего командования. Но для нас оно явилось слабым утешением. В нашем штабе все были глубоко разочарованы и подавлены.

В самом деле, положение теперь стало критическим. Такого в вермахте еще не бывало. Целая армия, отрезанная от остальных частей, после тяжелых оборонительных боев в окружении и отхода на восток теперь по собственной инициативе отказывалась от каких-либо попыток прорвать кольцо и, «заняв круговую оборону», ожидала неведомо чего, между тем как положение ее с каждым днем ухудшалось.

Наш командир корпуса ходил туча-тучей, сумрачно насупив свои густые, клочковатые брови.

Он сразу же объявил нам, что не намерен сидеть сложа руки и дожидаться, пока его окончательно разгромят. «Лучше уж пробиться хотя бы с парой дивизий, чем потерять всю армию! – повторял он, задыхаясь от возмущения. – Черт знает что! За сорок лет службы ничего подобного не видел!»

И все же в конце концов он махнул рукой и подчинился, хотя и по-прежнему был убежден, что лишь немедленный прорыв дал бы нам шанс на спасение. Приказ есть приказ, что бы там ни случилось. Теперь нам не осталось ничего иного, как надеяться на освобождение извне.

Однако на обещанную помощь вообще можно было рассчитывать лишь по истечении нескольких недель. Мы ясно представляли себе, что это значит – драгоценное время уйдет, противник будет непрерывно подбрасывать подкрепления, боеспособность и дух нашей армии, отчаянно сражавшейся в тяжелых условиях окружения, будут падать, а наши последние резервы – таять с каждым днем. Судьба 300-тысячной армии отныне почти полностью зависела от снабжения по воздуху. А располагает ли наше главное командование необходимым количеством самолетов? Окажемся ли мы в состоянии обеспечить ежедневную посадку сотен машин в нашем «котле», учитывая превосходство русских в воздухе и тяжелые зимние метеорологические условия в донских степях!

Итак, роковое решение, предписывавшее в армии «занять круговую оборону», было принято через голову ее командующего и минуя вышестоящий штаб группы армий. Мало того, общее начертание наших оборонительных линий, которые надлежало удерживать любой ценой, также было установлено приказом свыше. В результате наша главная оборонительная линия во многих местах тянулась на десятки километров по голой степи, лишенной каких-либо естественных рубежей. Наши войска, державшие оборону на таких участках, окапывались в мерзлой земле, а то и в снегу. Впоследствии мы лишь в исключительных случаях, и то с большим трудом, добивались от ставки Гитлера разрешения изменить на отдельных участках линию фронта. Не считая самого Сталинграда – его руины составляли лишь сравнительно небольшую часть переднего края – да нескольких выгодных для обороны участков по берегам рек, наша армия нигде не имела укрепленных позиций. И понятие «сталинградская крепость», пущенное в ход в первых приказах главного командования сухопутных сил, окруженные воспринимали как горькую иронию, а подчас и как издевательство.

«Бунт» генерала Зейдлица

Среди генералов окруженной 6-й армии нашелся один, который не пожелал мириться с роковыми приказами, обрекавшими все 22 окруженные дивизии (в большей своей части лучшие в германской армии) на изматывающие оборонительные бои и пассивное выжидание. Он хотел действовать, не теряя времени идти на прорыв, чтобы спасти то, что еще можно было спасти.

Этим человеком был командир LI армейского корпуса генерал артиллерии Зейдлиц. Его считали способным, энергичным военачальником с большим практическим опытом. Подтверждением тому были и «Дубовые листья к Рыцарскому кресту» – высшая военная награда, которую Зейдлиц получил еще задолго до описываемых событий. К тому же он слыл специалистом по окружениям. Весной сорок второго года он сыграл решающую роль в выводе немецких войск из Демянского «котла», который, впрочем, значительно уступал нынешнему. И действительно, Зейдлиц полностью отдавал себе отчет в том, что над 6-й армией нависла угроза полного уничтожения. На карту была поставлена судьба без малого 300 тысяч немецких солдат. Генерал Зейдлиц готов был пойти на любой риск, чтобы предотвратить нашу погибель.

Командир LI корпуса вместе с офицерами своего штаба был непоколебимо убежден, что для окруженных соединений, которым грозит смертельная опасность, остается лишь один путь к спасению: немедленно идти на прорыв кольца на юго-запад с выходом в район Котельниково. Поначалу командование армии придерживалось того же мнения. На этот прорыв в корпусе Зейдлица возлагались все надежды. Приказы штаба армии, отданные в ходе его подготовки, исполнялись здесь особенно тщательно и неуклонно.

Как только было решено избавиться от всего лишнего груза, оставив лишь самое необходимое, командир корпуса первым подал пример: в огонь полетели его чемоданы, архив и даже его личные вещи. Зейдлиц не оставил себе ничего, кроме обмундирования, которое было на нем. После этого в его корпусе, как, впрочем, и в других соединениях нашей армии, начали с каким-то остервенением уничтожать все, без чего можно было обойтись.

Собрав старших штабных офицеров своих восьми дивизий, Зейдлиц прямо сказал, что армия поставлена перед выбором: Канны или Бржезины, имея в виду известный прорыв русского фронта под Лодзью в 1914 году, в котором он, тогда еще молодой офицер, принимал самое непосредственное участие¹⁷.

Дивизии LI корпуса, сильно потрепанные в предыдущих боях, обороняли участок фронта протяженностью 70 километров. Чтобы облегчить им выполнение ответственных задач в ходе будущего прорыва, Зейдлиц решил в северной части своего участка выпрямить линию фронта, отведя свои войска на новые позиции. Это было тем более необходимо, что после отхода XIV танкового корпуса в линии фронта здесь образовалась 25-километровая «дыра», которую подошедшие обескровленные дивизии LI корпуса Зейдлица не могли ни заполнить, ни настояющему оборонять. Это решение Зейдлиц, готовясь к предстоящему прорыву, принял на свою ответственность в первые дни наступления русских, когда штаб армии еще находился за Доном. Генерал имел все основания предполагать, что проведенное им сокращение линии фронта окажется в полном соответствии с решениями, созревающими в штабе армии, и лишь облегчит подготовку прорыва. О том, что прорыв не состоится, он тогда, естественно, и думать

¹⁷ Речь идет о Лодзинской операции, развернувшейся на русско-германском фронте в ноябре 1914 года, одной из наиболее сложных операций маневренного периода Первой мировой войны («Лодзинский слоеный пирог»). В ее ходе германская ударная группировка, окружившая 2-ю русскую армию, сама оказалась в окружении русских войск. Но все же войска генерала Шеффера, в составе которых находился и Зейдлиц, прорвались в расположение 20-го германского корпуса. Это были, однако, лишь остатки ударной группы, в ходе операции она потеряла до 40 тысяч человек, то есть 80 % своего состава. (См. Военно-исторический журнал, № II, 1964, с. 127–128.)

не мог. Поэтому впоследствии его действия, вся смелость и дальновидность которых, очевидно, обнаружилась бы в том случае, если бы первоначальный план был осуществлен, привели к столь же тяжелым последствиям, как и уничтожение ценного снаряжения, проведенное по приказу штаба армии все с той же целью – подготовить части к прорыву. Хотя сокращение фронта и было подсказано сложившейся в тот момент обстановкой, в конечном итоге части LI корпуса лишились заранее подготовленных зимних позиций, что еще более усложнило их положение и грозило им новыми опасностями и невзгодами. К тому же пехотные подразделения одной из отходивших дивизий корпуса – впрочем, уже до этого измотанной и потерявшей большую часть личного состава – были настигнуты русскими и полностью разгромлены.

В довершение всего по иронии судьбы именно на генерала Зейдлица, того самого Зейдлица, который с самого начала советовал командующему армией немедленно идти на прорыв, не согласовывая свои действия с высшими инстанциями, специальным приказом Гитлера была возложена ответственность за организацию обороны на северном и восточном участках «котла». Паулюс передал ему этот приказ, поступивший вместе с ошеломляющим известием о том, что ставка запрещает идти на прорыв и тем самым лишает командование 6-й армии какой-либо свободы действий. Генерал Зейдлиц сначала не мог прийти в себя. Он без возражений принял приказ, хотя, разумеется, в душе никак не мог с ним согласиться, отлично сознавая, что теперь-то он и вовсе ничего не сможет сделать по своей инициативе, ибо принимать решения мог отныне один только Паулюс как «командующий сталинградской крепостью». Лишь на следующий день, 25 ноября 1942 года, последовала темпераментная реакция генерала Зейдлица на эти приказы, которая свидетельствовала о его высоком чувстве ответственности как военачальника. Он передал командующему армией докладную записку, подготовленную по его поручению начальником штаба LI корпуса. В этом документе, содержащем тщательный анализ обстановки, были вновь сведены воедино все аргументы против организации круговой обороны и все доводы в пользу немедленного прорыва кольца. На основании своего опыта, полученного при выходе из окружения 16-й армии в районе Демянска, Зейдлиц с присущим ему реализмом и ясностью мысли предостерегал от механического сравнения сложившейся тогда обстановки с нынешней и от тех ложных выводов, к которым это могло привести. В своих собственных выводах, четких и недвусмысленных, генерал Зейдлиц исходил из трезвой оценки нашего положения, предполагаемых действий противника и минимальных шансов на успех возможной операции по прорыву кольца извне. Командир LI корпуса призывал командующего 6-й армией ввиду сложившегося чрезвычайного положения, которое еще более усугублялось действиями главного командования сухопутных сил, без промедления нарушить полученные приказы, то есть действовать вопреки воле Гитлера. Зейдлиц подчеркивал, что долг командующего перед вверенной ему армией и всем немецким народом властно требует от него подчиниться велению разума и сердца и взять на себя всю полноту ответственности для предотвращения грозящей катастрофы.

Можно сказать, что в этом ответственном документе Зейдлиц выступал от имени всей окруженной армии. Он подчинился в тот момент голосу своей совести, не думая о том, что это может стоить ему головы. Паулюс передал его докладную записку в ставку, но она была оставлена без последствий.

Трагедия командира LI корпуса и его начальника штаба заключалась именно в том, что, являясь, подобно всем попавшим в окружение, пассивными участниками событий, они в отличие от всех нас, надеявшихся и отчаявшихся, осведомленных об истинном положении дел и пребывавших в неведении, ясно предвидели неминуемую катастрофу, но не в силах были ее предотвратить. Поэтому им было особенно тяжело, когда в конце концов у них не осталось ничего другого, как повиноваться бессмысленным приказам и исполнить свой воинский долг вплоть до горького конца.

Но Зейдлиц и после этого не успокоился, не смирился. Многим из нас, особенно молодым офицерам, для которых выжидательная тактика постепенно становилась невыносимой, один вид этого сухощавого, подтянутого генерала с седеющей шевелюрой внушал надежду. До самого конца сражения мысль о прорыве не умирала. Подобные планы возникали вновь и вновь не только у отдельных командиров, но и в частях и целых соединениях даже тогда, когда время было уже безнадежно упущено и любая попытка соединиться с нашими основными силами, отброшенными на сотни километров в суровых условиях наступавшей зимы, явилась бы безнадежной авантюрой и окончилась бы неминуемой гибелью измотанных в боях людей. Прорыв так и остался для нас табу. В штабе армии уповали на помощь извне, полагая, очевидно, что, находясь в «котле», невозможно объективно оценить общую обстановку на фронтах и шансы на успех операции по спасению окруженной группировки, операции, которую верховное командование обещало провести в ответ на наши просьбы о помощи.

Приказы ставки определяли все наши действия почти до конца, кроме последних бесславных дней нашей армии.

Командующий беспрекословно исполнял их, постоянно опираясь при этом на энергичную поддержку своего начальника штаба, генерал-майора Шмидта, который особенно упорно настаивал на неуклонном проведении в жизнь всех директив главного командования сухопутных сил. Весьма характерным было и отношение Паулюса к Зейдлицу, корпусному командиру, который, находясь в его непосредственном подчинении, столь смело и настойчиво выступал против выполнения роковых приказов свыше. Командующий не предпринял никаких мер против «бунтовщика», вероятно, потому, что полученные им директивы вызвали сомнения у него самого. Да иначе и быть не могло – ведь то, что ему приказывали делать, полностью противоречило всему тому, что он еще совсем недавно считал абсолютно необходимым, исходя из собственной оценки обстановки, сложившейся на участке его армии. Можно себе представить, какие мучительные раздумья терзали в те дни обоих попавших в безвыходное положение военачальников, на плечи которых легло бремя чудовищной, необозримой по своим последствиям ответственности.

Разумеется, в те полные напряжения дни мы в Сталинградском «котле» ничего не знали о том, что происходило в это время в ставке Гитлера, который, не посчитавшись с мнением своих наиболее опытных военных советников, принял столь роковое для нас решение, опираясь при этом лишь на безответственное обещание Геринга обеспечить снабжение окруженной армии воздушным путем. Впрочем, тяжелые предчувствия не покидали нас. Так или иначе, все были тогда встревожены, подавлены, а в глубине души и возмущены. То, что вменили нам в обязанность, не только противоречило нашему профессиональному опыту, но и подрывало наш боевой дух и веру в себя, лишая нас последней надежды на успешный прорыв собственными силами.

«Держитесь! Фюрер выручит вас!»

В последнюю неделю ноября, когда наши части и соединения, сильно потрепанные в отступательных боях, лихорадочно закреплялись на новых рубежах, постоянно преодолевая все новые трудности, командующий отдал весьма серьезный по своим последствиям приказ по армии. Я и по сей день помню его слово в слово. Начинаясь он так: «6-я армия окружена. Вашей вины, солдаты, в этом нет. Вы сражались доблестно и упорно до тех пор, пока противник не вышел нам в тыл». Дальше в приказе говорилось о предстоящих тяжелых боях, о страданиях и лишениях, которые неминуемо ждут немецкие войска, о том, что, несмотря на голод и морозы, нам нужно во что бы то ни стало продержаться еще некоторое время, твердо веря в обещанную подмогу. Наконец упоминалось и о том, что Гитлер лично обещал провести операцию по спасению окруженной армии. Воззвание было составлено весьма искусно и убедительно и заканчивалось фразой, рассчитанной на нужный психологический эффект: «Держитесь! Фюрер выручит вас!» Эти слова, сулившие скорое избавление, должны были ободрить и вдохновить солдат.

Этот заключительный призыв, который живо обсуждался в нашем штабе, придавал документу чисто эмоциональную окраску, столь необычную для трезвого и делового тона приказов. Меня самого он окончательно убедил в том, что после всего происшедшего наших людей обрекают на новые, еще более тяжелые жертвы. Наши части в высшей степени нуждались в отдыхе и отводе на переформирование еще на исходе лета, когда 6-я армия в результате наступления вышла к Волге у Сталинграда и, втянувшись здесь в кровопролитные бои, наступательные на одних участках, оборонительные – на других, была вынуждена в буквальном смысле слова сражаться на два фронта. Солдаты, в большинстве своем старые фронтовики, вот уже два года провели в непрерывных тяжелых боях без отпусков, ни разу не побывав за это время на родине. В ходе летнего наступления, начавшегося в районе Харькова непосредственно после ожесточенных оборонительных боев, части долгие месяцы без отдыха были на марше – постоянное напряжение и походные лишения уже тогда измотали солдат. Мне запомнились колонны обессилых людей, бредущих по бесконечной степи, днем под палящим солнцем в клубах пыли, ночью – в пламени многочисленных степных пожаров, которые часто тянулись на много километров. Не хватало воды, жажда терзала людей; я вспоминаю пересохшие степные колодцы, однообразную и скудную походную пищу (снабжение не поспевало за наступающими войсками) и, наконец, мириады мух, не дававших нам покоя. Тогда в частях начались желудочные и другие инфекционные заболевания, вспыхивали эпидемии малярии, а под конец и желтухи. Многие в глубине души ждали тогда болезни как избавления, рассчитывая попасть в тыловые госпитали еще до начала страшной русской зимы.

После боев на Волге и Дону люди обессилели окончательно. Главные силы нашей армии с середины августа по октябрь вели бои в развалинах Сталинграда, окутанных клубами пыли и дымом пожаров. Багровое зарево днем и ночью стояло над мертвым городом и было видно уже издалека. Но за два месяца непрерывных кровопролитных боев нам так и не удалось выбить из города русских, стоявших насмерть на своих последних оборонительных рубежах по эту сторону Волги. В то же время части нашего корпуса понесли огромные потери, отражая в сентябре яростные атаки противника, который пытался прорвать наши отсечные позиции с севера. Дивизии, находившиеся на этом участке, были обескровлены; в ротах оставалось, как правило, по 30–40 солдат. Пополнение, прибывавшее на фронт, было совершенно недостаточным. В результате боевой состав многих частей сократился в среднем до одной трети, если не до четверти первоначального. Затаенные надежды людей на то, что после столь тяжелых боев и лишений их отведут наконец в тыл, рассеялись после получения приказа зимовать на занятых позициях. В довершение всего русское наступление положило конец и последним надеждам

людей, мечтавших хотя бы об очередном или рождественском отпуске на родину. Теперь же роковой приказ, в котором уже открыто говорилось об окружении и о необходимости «продержаться», не оставлял и тени сомнения во всей серьезности нашего положения.

Но, естественно, солдаты-фронтовики тогда еще не представляли себе в полной мере, какие страдания и лишения им уготованы. Они не разбирались в сложных проблемах общевойсковой снабжения и понятия не имели о тех бесчисленных трудностях, которые уже тогда вставали перед штабами соединений. Вначале они не знали и о том, что окружение вынудило нас сразу же поставить крест на всех еще только начатых мероприятиях по подготовке зимних позиций. Армейские тыловые базы в станицах Морозовской, Тагинской и еще дальше к западу остались за пределами «котла». Там хранились десятки тысяч комплектов зимнего обмундирования – шинелей на меху, валенок, шерстяных носков, подшлемников и наушников, – которые теперь уже нельзя было доставить в наше расположение.

В результате войска в подавляющем большинстве своем встретили убийственные русские морозы, почти не имея зимней одежды.

Поскольку намеченный ранее прорыв 6-й армии на юго-запад не состоялся, и окруженные соединения вынуждены были готовиться к долговременной обороне, возникла необходимость перегруппировать некоторые подразделения, а также часть тяжелого вооружения. Постепенно, преодолевая большие трудности, удалось укрепить наши рубежи и стабилизировать линию обороны. Особенно туго пришлось при этом дивизиям, расположенным на южном и западном участках, в открытой степи, где не было ни жилых помещений, ни строительного леса, ни дров. Конфигурация кольца обрела свои окончательные очертания, которые и сохранились вплоть до второй недели января. Длина «котла» с востока на запад составляла примерно пятьдесят километров, ширина – около сорока¹⁸.

После того как фронт, пришедший в хаотическое движение в результате русского прорыва, наконец стабилизировался, разведотделу штаба нашего корпуса постепенно удалось получить более или менее полное представление об обстановке у противника. Теперь, когда вся 6-я армия оказалась сосредоточенной на сравнительно небольшом участке внутри кольца, мы старались выявить и нанести на карты все действовавшие против 6-й армии ударные соединения противника. Только крупных русских соединений здесь вначале насчитывалось около 60 – это были главным образом стрелковые дивизии и танковые бригады, сведенные в семь армий. К этому следовало добавить и некоторые находившиеся в резерве соединения, присутствие которых было нелегко обнаружить. Главные силы противника, и прежде всего его артиллерия, были сосредоточены на западном участке кольца, который обороняли части нашего корпуса. Мы подсчитали, что соединения противника, окружившие нас стальным кольцом, обладают по меньшей мере трехкратным численным превосходством и располагают устрашающим количеством тяжелого вооружения¹⁹.

¹⁸ С 24 по 30 ноября площадь, занимаемая окруженной группировкой, уменьшилась более чем вдвое. Войска Донского и Сталинградского фронтов зажали окруженных на территории 1500 квадратных километров (70–80 километров с запада на восток и от 30 до 40 километров с севера на юг).

¹⁹ Эти данные Видера не далеки от истины. Против окруженных к тому времени действовало уже не три, а два фронта, так как Юго-Западный действовал на внешнем кольце окружения, здесь же действовала и 51-я армия Сталинградского фронта. На внешнем фронте окружения на 27 ноября действовало до 10 стрелковых дивизий, один танковый и три кавалерийских корпуса. На внутреннем кольце действовали 62, 64, 57-я армии Сталинградского фронта и 65, 66, 21 и 24-я армии Донского фронта. Надо иметь в виду при этом, что все они понесли потери, особенно армии Сталинградского фронта, состав каждой из них, как указывает и сам Видер, не превышал состава немецкого армейского корпуса, а по большей части уступал ему. Поэтому заключительный вывод о трехкратном превосходстве русских является преувеличением. К 1 декабря на Сталинградском направлении в целом было следующее соотношение: советских дивизий – 68,5, немецких – 48 (соотношение 1,45:1); людей с советской стороны – 854 776, с немецкой – 846 000 (1:1); советских танков – 797, немецких – 770 (1:1); по артиллерии и авиации соотношение было примерно таким же. Тройное превосходство советская сторона имела только по крупнокалиберным минометам. Противник, однако, имел качественное превосходство в полевой артиллерии. Непосредственно против окруженных действовало 43,5 советской дивизии в составе 479 672 человек (соотношение 1,45:1), 465 танков против 340 (1,3:1), орудий и минометов 8491 против 5230 (1,6:1).

Наша же армия, численность которой до окружения составляла примерно 330 тысяч человек, теперь после потерь, понесенных в результате русского прорыва, насчитывала, по нашим данным, около 280 тысяч человек, включая румын, а также некоторые части, не входившие ранее в состав армии, но попавшие вместе с нами в «котел». Среди окруженных были представители решительно всех немецких земель (один из корпусов армии формировался в Вене). Все они были отныне связаны единой недоброй судьбой. К ним были обращены слова приказа, сулившие спасение: «Держитесь! Фюрер выручит вас!»

И солдаты слепо верили в грядущее избавление.

Их боевой дух еще не был сломлен, и настроение в частях еще долго оставалось куда более оптимистическим, чем в штабах. Люди на передовой считали создавшееся тяжелое положение бедой поправимой, обычным делом, без которого на фронте не обходится, и были даже уверены, что после благополучного исхода участники сражения получат, как это обычно бывает, особый знак отличия – какую-нибудь сталинградскую нашивку или памятную медаль за выход из «котла». Разумеется, все были уверены, что внешний фронт окружения будет прорван в ближайшем будущем. Солдаты непоколебимо верили в обещанную помощь, и в этой вере они черпали силы, сражаясь в тяжелейших условиях, страдая от голода и лютой стужи; с этой верой они и погибали в боях²⁰.

В течение долгих недель наши части в обороне отражали натиск русских, несмотря на их подавляющее превосходство в танках и других видах тяжелого оружия. Лишь на отдельных участках русским в кровопролитных боях местного значения удавалось потеснить нас и вклиниться в линию обороны, которая к тому времени окончательно стабилизировалась. Особенно упорными были атаки советских войск в первой половине декабря на западном участке «котла», где держали оборону части нашего корпуса, а также подразделения XIV танкового корпуса, позиции которого были расположены к западу и юго-западу от нас. Однако прорвать наш фронт на этом участке противнику так и не удалось. Не один подвиг совершили в те дни наши солдаты – самоотверженность и верность воинскому долгу были повседневным, будничным делом для этих безыменных немецких солдат. Однако в сводках вермахта ход битвы на Волге освещался в тот период лишь в самой общей форме, ограничивался туманными намеками. Главное командование стремилось затушевать истинное положение дел и ни словом не упоминало о том, что целая армия в окружении сражается не на жизнь, а на смерть и находится под угрозой полного уничтожения. И мы, штабные офицеры, возлагали все свои надежды на готовившуюся операцию по спасению нашей окруженной группировки. В тот момент никто и в мыслях не допускал, что Гитлер оставит в беде или, попросту говоря, скинет со счета 6-ю армию. Фюрер уж найдет за нас выход из этой проклятой ловушки! Среди нас находились даже такие фантазеры (правда, это были по большей части неопытные юнцы), которые утверждали, что Гитлер не только выручит нас, но и сумеет превратить наше кажущееся поражение в блистательную победу, охватив гигантским кольцом все соединения русских, окружавшие нашу армию. Эти прожектеры с их слепой верой в чудеса не вывелись среди нас до самых последних дней. Никто из них, впрочем, ясно не представлял себе всей сложности обстановки, в которой немецкие войска одновременно находились и на берегах Бискайского залива, и у мыса Нордкап, под Ленинградом и Вязьмой, в Кавказских горах, на острове Крит и в Северной Африке²¹

²⁰ Здесь Видер явно идеализирует моральное состояние окруженных. Он не упоминает о страхе, который испытывали не только солдаты, но также генералы и офицеры перед СС и гестапо.

²¹ В этих рассуждениях Видера проскальзывает распространенная в западногерманской историографии тенденция поставить на одну доску разновеликие по своему значению события Второй мировой войны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.